

При взаимодействии с партнерами из Китая следует руководствоваться четко обозначенными целями и подходами (см. статью Марейке Валерс [«Перспективы германо-китайского сотрудничества в сфере высшего образования»](#) в 105-м выпуске «Международного высшего образования»).

- С этим связан и важный принцип прозрачности: всё и вся должно свободно обсуждаться и решаться путем консенсуса, чтобы все партнеры одинаково понимали условия и цели сотрудничества.
- Следует поощрять и стимулировать привлечение международных студентов и всевозможные программы обмена. Интерес стабильно расширяющегося китайского среднего класса к зарубежному образованию по-прежнему растет, как и интерес к образованию внутри Китая. Международное образование выгодно для всех, и его развитие должно руководствоваться в первую очередь не факторами мягкой силы или рынка, а соображениями академической и общественной актуальности.
- Следует поощрять научное сотрудничество с Китаем (и на уровне отдельных ученых, и на уровне институтов), уже ставшее ощутимой движущей силой мировой науки, однако нужно при этом не забывать о мерах предосторожности, необходимых для предотвращения злоупотреблений человеческим трудом и бесконтрольного использования интеллектуальной собственности.
- Научно-образовательное сотрудничество должно — при соблюдении вышеперечисленных условий — оставаться прерогативой вузов, ученых и студентов и не должно контролироваться властями.

Заключение

В мире сейчас, несомненно, наступил переломный момент в том, что касается академических связей с Китаем. Все стороны прилагают и продолжают прилагать ощутимые усилия, чтобы ограничить или и вовсе прекратить некоторые формы контактов. Но нужно делать все возможное, чтобы этому противостоять, несмотря на все проблемы и трудности. Нужно оставаться реалистами.

Следует отметить, что в этой статье мы практически ничего не говорим об академической свободе. Мы считаем, что сотрудничество с Китаем должно проходить в таких условиях, чтобы в любом совместном проекте или программе был гарантирован хотя бы минимальный уровень академической свободы. Не стоит, однако, ожидать, что китайским вузам позволят соблюдать международные нормы в области академической свободы или автономии — это так же нереалистично, как и надеяться, что скоро сойдут на нет антиазиатские настроения, подозрения в шпионаже или воровстве интеллектуальной собственности и опасения насчет Институтов Конфуция, якобы нацеленных насаждать китайскую идеологию. (Не стоит забывать, что

у Великобритании, Германии и Франции есть аналогичные программы по распространению своего языка и культуры, используемые во внешнеполитических целях.) Действительно, в Китае и остальном мире сейчас наблюдаются расходящиеся тенденции. Тем не менее контакты и — в меру возможностей — сотрудничество в сфере высшего образования и науки идут на благо всем, в особенности студентам и ученым по обе стороны границы, которые, похоже, и стали главной жертвой сложившегося геополитического конфликта.

Академическая профессия в Китае поражена «инволюцией»

Цян Чжа

*Цян Чжа — доцент факультета образовательных наук Йоркского университета (Торонто, Канада).
E-mail: qzha@edu.yorku.ca.*

Прошлый год не только прошел под знаком глобального кризиса в области здравоохранения, но и тяжело ударил по китайскому академическому сообществу. Система оценки результатов деятельности ученых в китайских университетах совершила разворот на 180 градусов. В предыдущие десять лет огромный вес придавался публикациям в журналах, входящих в базу данных Science Citation Index (SCI) — коммерческого индекса цитирования, охватывающего огромное количество журналов по естественным, медицинским и техническим наукам. Индексируемые SCI журналы считаются ведущими, поэтому за публикацию в них можно получить не только материальную премию, но и преимущества при аттестации, например повышение по службе или возможность участвовать в различных программах профессионального развития для наиболее одаренных сотрудников, что, в свою очередь, может привести к повышению уровня доходов и расширению доступа к исследовательским ресурсам. Премия за статью в топовом журнале, входящем в SCI, могла достигать 85 тысяч долларов США. Так что количество статей, публикуемых китайскими учеными в журналах базы SCI, взлетело со 120 тысяч в 2009 году до 450 тысяч в 2019 году.

Как ни парадоксально, стабильно высокое количество научных публикаций в Китае не конвертировалось в инновации. Это стало ясно на фоне торговой войны с США, изобличившей тот факт, что Китай на самом деле отстает в сфере разработки передовых технологий и создания объектов интеллектуальной

собственности. Теперь считается, что даже ведущие китайские университеты больше недотягивают до передовых стандартов технологических разработок и научно-технического обмена. Ши Игун, один из лучших ученых страны, нашел неожиданное тому объяснение: китайские университеты делают не так уж много оригинальных или прорывных открытий. Он и раньше предупреждал, что кампания последних лет по повышению количества научных публикаций вряд ли подстегнет науку и технику. Он говорил, что она, скорее всего, лишь создаст ощущение благополучия — исключительно за счет количества и объема научных публикаций. Вот почему в феврале 2020 года Министерство образования и Министерство науки и технологий Китая выпустили новую директиву, согласно которой теперь официально не приветствуется разрешенная прежде практика использования SCI как главного критерия оценки деятельности ученых. Согласно новому документу, показатели базы данных SCI (например, количество статей в индексируемых SCI журналах, их импакт-фактор, индекс цитируемости статей) больше не засчитываются в качестве прямого свидетельства исследовательских заслуг, а выплачивать ученым премии за публикации в журналах, входящих в SCI, теперь запрещено. В декабре 2020 года Министерство образования и пять других центральных ведомств (включая Организационный отдел Центрального комитета Коммунистической партии Китая и Отдел пропаганды ЦК КПК) выпустили новые правила повышения по службе сотрудников вузов. Они включают пункт о необходимости прекратить «оценивать публикации по тому, в каких журналах они вышли, и отдавать приоритет журналам, входящим в базу SCI».

Как ни парадоксально, стабильно высокое количество научных публикаций в Китае не конвертировалось в инновации.

Совсем недавно, 21 мая 2021 года, высшее руководство КПК распространило новую директиву, направленную на корректировку механизма аттестации сотрудников вузов в том, что касается показателей научно-технической работы. В этом документе перечисляются свойственные текущей системе проблемы, например проблема упрощения показателей и квантификации критериев, слепая гонка за тенденциями и чрезмерный утилитаризм. Предписывается разработать новую, многопараметровую систему аттестации

ученых, которая бы включала в себя оценку их работы с точки зрения рынка, средне- и долгосрочный анализ, а также анализ последствий. Новый документ показывает, насколько остро в Китае стоит вопрос об усовершенствовании системы аттестации ученых.

Дело в «инволюции»

Многие полагают, что основная причина этого парадокса кроется в так называемой «инволюции». Изначально эту концепцию ввели антропологи для описания ситуации в некоторых аграрных обществах, когда рост населения сопровождается сокращением среднедушевого благосостояния. Это явление сейчас наблюдается и в Китае: большинство людей трудится все больше и больше, но продвинуться по социальной лестнице им практически не удастся. Если перенести это на академическую профессию, то «инволюцией» можно назвать сложившуюся парадоксальную ситуацию, когда большинство ученых в вузах трудится больше, чем прежде, и публикует все больше статей, но это не приводит к заметному укреплению инновационного потенциала китайского высшего образования. Наглядное доказательство этого парадокса заключается в том, что, с одной стороны, все больше китайских университетов попадает в международные рейтинги благодаря большому количеству публикаций и цитирований, но, с другой, США легко воспользовались технологическими проблемами Китая в своих интересах и сумели взять его за горло в двухсторонней торговой войне. Если быть еще точнее, то, по информации международных баз данных по исследовательским публикациям, Китай опережает США по количеству публикаций в сфере материаловедения, вычислительных наук, инженерного дела, химии, математики и физики. Но при этом большинство из 35 основных технологических ограничений страны, указанных в Science and Technology Daily, связаны именно с только что перечисленными областями.

Но почему инволюция вызывает такой эффект? Считается, что к инволюции в обществе приводит дефицит ресурсов. В условиях нехватки необходимых обществу ресурсов институты определенного типа стремятся к тому, чтобы максимально заполучить эти самые дефицитные ресурсы и распределить их между собой. По мере эволюции этих институтов общество, наоборот, «инволюционирует». Возвращаясь к китайскому высшему образованию: на протяжении последних 20 лет правительство проводило несколько инициатив по повышению конкурентоспособности вузов, направленных либо на создание университетов мирового класса (см. Проект 211, Проект 985 и «План создания университетов и академических дисциплин мирового класса»), либо на поддержку выдающихся ученых (программа «Тысяча талантов», научная премия Чанцзян (премия реки Янцзы)). В эти программы были вложены огромные ресурсы. В подражание центральному правительству власти многих провинций запустили у себя на региональном уровне аналогич-

ные программы. Все эти программы не просто перетянули на себя почти все ресурсы, они использовали критерии отбора, в основе которых — публикации в журналах с высоким импакт-фактором (то есть, например, в журналах, индексируемых SCI, а это по определению лишь небольшая доля всех естественно-научных изданий), что непосредственно привело к созданию ситуации дефицита.

Сложившийся «SCI-тистский» режим только усугублял ситуацию, заставляя китайские университеты и их сотрудников сосредоточить все свое внимание и усилия на том, чтобы как можно скорее устранить дефицит, то есть как можно скорее получить доступ к вышеперечисленным правительственным программам. Это часто приводит к масштабному повышению продуктивности за счет проведения всех работ в максимально сжатые сроки. Некоторые исследователи применяют различные тактические маневры, чтобы любой ценой опубликоваться в журналах, входящих в базу SCI.

Вдобавок ко всему дефицит ресурсов негативно сказывается на наших когнитивных способностях и на функционировании. В условиях дефицита поле зрения сужается, то есть человек озабочен исключительно получением доступа к недостающим ресурсам или возможностям, нередко в ущерб «пропускным способностям» мозга, т.е. когнитивной способности мыслить и что-то придумывать. Это, в свою очередь, затормаживает подвижный интеллект. Последнее подавляет способность размышлять о фундаментальных вопросах и работать над долгосрочными задачами и, соответственно, приводит к тому, что результаты работы оказываются не инновационными, а скорее посредственными. По сути, концепция дефицита ресурсов довольно хорошо помогает объяснить инволюцию академической профессии в Китае и, что еще важнее, понять, чего следует ждать дальше.

Что дальше

Перечисленные выше новые меры, принимаемые в последнее время китайским правительством, показывают, что власти пытаются разорвать инволюционный цикл, в котором, похоже, застряла китайская наука, и что они действительно хотят, чтобы китайские ученые снова стали заниматься по-настоящему инновационными исследованиями и делать резонансные открытия. Однако эффект зависит от определенных внутренних и внешних обстоятельств.

Если говорить о внутренних факторах, то Китай — страна огромных размеров, и, соответственно, ресурсов все время не хватает. Например, если взять даже хотя бы сто лучших университетов страны, то между ними иногда наблюдается тридцатикратный разрыв в уровне доходов. Прежде политический курс на создание режима дефицита действительно казался естественным и даже оказался вполне эффективным для достижения поставленных Китаем целей в области общественного и экономического развития.

В принципе, в ситуации дефицита можно извлечь выгоду за счет сужения приоритетов, и сосредоточение на какой-то одной конкретной задаче будет способствовать повышению продуктивности. Этот эффект вполне удовлетворяет Китай в его стремлении обойти остальные страны в условиях глобальной конкуренции. Но если не будет внедрен альтернативный подход и если он окажется неэффективным, то в какой-то момент маятник может по инерции качнуться в обратную сторону. Стоит заметить, что, хотя китайское правительство осудило использование показателей, связанных с SCI, никакого альтернативного механизма аттестации ученых, который был бы одобрен властями, пока нет.

Если же говорить о внешних факторах, то господствующий в мире режим академического капитализма тоже в некотором плане связан с дефицитом: считается, что для максимизации доходов от науки нужно инвестировать в передовые вузы и лучших ученых (которых постоянно скрупулезно отбирают). Соответственно, ученых стимулируют к тому, чтобы они как можно больше и быстрее публиковались в журналах с высоким импакт-фактором, потому что это обеспечивает вузам, с которыми они аффилированы, высокие показатели цитируемости, а это очень важно для университетов, так как улучшает их позиции в рейтингах. И если новая политика негативно скажется на результатах китайских университетов в международных рейтингах, то существует риск, что правительство (да и сами университеты) захотят откатить все назад и вернуться к старым правилам игры.

В героическом прошлом Китая уже были первоклассные вузы

Ян Жуй

*Ян Жуй — замдекана (по науке) и профессор факультета наук об образовании Университета Гонконга (Китай).
E-mail: yangrui@hku.hk.*

В последние десятилетия мы наблюдаем, как Китай еще сильнее активизировался в стремлении вывести свои передовые университеты на авансцену международных рейтингов. Ровно сто лет назад молодые китайские вузы быстро снискали себе международную славу как учебные заведения мирового класса. И хотя начало XX века принесло китайскому народу много бед, этот период оказался пиком модернизации высшего образования. Если западная идея универ-